

Примечания

¹ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 14—23.

² *Миронов. Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 74.

³ Гостиная и Новгородская сотни, Голутвенная, Басманная, Алексеевская, Огородная, Кошельная, Конюшенная Овчинная, Мещанская слободы, Крымские и Девичьи Лужники.

⁴ Материалы для истории московского купечества. М., 1885. Т. 2. Ч. 1. С. 110. Приложение. С. 88.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 91. Приложение. С. 136.

⁶ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности... С. 15.

⁷ *Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX—начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 141.

⁸ *Мохначева М. П., Прохоров М. Ф.* Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в середине XVIII века // Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 112—113.

⁹ Там же. С. 112—113.

¹⁰ *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 84.

¹¹ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности... С. 33—37, 60—64.

Г. В. Калашиников

СОЛДАТСКАЯ ТОРГОВЛЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Общеизвестно, что солдаты регулярной армии, времен ее комплектования на рекрутской основе, не являлись беднейшим слоем российского общества. Для XVIII в. это можно было бы объяснить относительно высоким размером солдатского жалования (от 5 до 25 получаемых на руки рублей в разные периоды и в разных обстоятельствах). Но и в следующем столетии, когда даже офицерское денежное довольствие не всегда обеспечивало прожиточный минимум, солдаты продолжали оставаться сравнительно обеспеченной социальной группой.

Основу материального положения солдат как в XVIII, так и в

XIX вв. составляли отхожие работы, финансовые и иные операции, проводившиеся *артелями* — уникальным явлением русского военного мира: неформальными объединениями нижних чинов одного или нескольких подразделений, создававшимися с целью совместных заработков и целесообразного расходования заработанных средств. История солдатской артели еще ждет своего исследователя, мы же соприкоснемся с ней самым косвенным образом: в вопросе о солдатской торговле.

Военный быт XVIII в. оставлял нижним чинам много свободного времени. Для полевых полков в военные годы свобода наступала зимой, когда армия становилась на квартиры и оставалась практически без офицерского контроля. В мирное время, особенно при императрице Елизавете Петровне, летняя жизнь полевых полков немногим отличалась от зимней. В гарнизонных же частях предписывалось разделять на три равные части, определяя одну часть в караулы, вторую — к учению и посылкам, третью — на отхожие работы. Таким образом, солдаты полевых полков могли заниматься, в частности, торговлей во время войны — зимой, а во время мира (равно как солдаты гарнизонных войск и в мирное и в военное время) — круглый год.

Состояние источников позволяет исследовать экономическую деятельность солдатских артелей в XVIII в. лишь фрагментарно. Архивы артелей (заклучавшиеся обыкновенно в приходно-расходной книге, к которой прилагались подшивки различных расписок в приеме и получении денег и реже — с фиксацией трудовых обязательств) почти не сохранились. Об артельной жизни можно найти многочисленные упоминания в полковых архивах, но в них связанные с интересующим нас вопросом материалы бессистемно рассредоточены по разнообразным документам, и выявить их без сплошного систематического анализа всего комплекса сохранившихся документов канцелярии соответствующего полка непросто. Отдельные, хотя порой и весьма подробные, сведения обнаруживаются в сохранившихся материалах канцелярий органов гражданского управления провинций и городов, где располагались полки, в фондах канцелярий высших военных руководителей и среди массивов судебных дел.

Автор настоящей публикации не может похвастаться тем, что выполнил основательную архивно-поисковую работу и систематизировал сведения, позволяющие делать общие выводы. Мы в силах лишь привести отдельные иллюстрации по поставленной теме, которые, возможно, послужат сколько-нибудь полезным материалом для последующих исследователей солдатской артели.

Первые упоминания о солдатской торговле выявлены нами для 1722—1725 гг. Завершение Северной войны и последовавшее за тем распределение армии по губерниям способствовали росту активности экономической деятельности солдатских артелей, выражавшейся, в частности, и в торговле. Так, уже в 1722 г. в Санкт-Петербурге фиксируются солдатские торговые предприятия: артель 3-й роты Ингерманландского полка торговала с возов деревянной посудой собственного производства¹, а артель Астраханского полка в течение нескольких месяцев зимы 1722/23 г. занималась скупкой у крестьян Карельского перешейка замороженного мяса и молока, перевозкой на собственных лошадях в Петербург с последующей продажей доставленных продуктов розничным торговцам².

В 1723 г. в Воронежском пехотном полку, квартировавшем в Тульской провинции, было возбуждено дело об отставке капрала Архипа Иванова, причем отмечалось, что отставной капрал не претендует на пенсию, так как собирается иметь жительство в Туле, где вместе со своей женой будет заниматься «продажею того полка артелями сочиняемых скорняжных и кожевенных вещей»³. Год спустя в Белгороде разбиралось судебное дело по иску трех местных помещиков, возмущенных тем, что их крестьяне не могут конкурировать с солдатами местного гарнизона в торговле сеном и дровами. Артели Белгородского гарнизонного полка не только брали подряды на сенокос и продавали сено вдвое дешевле местных крестьян, но даже имели собственный склад, с которого торговали выдержанными сухими дровами по ценам ниже, чем обычные рыночные на сырые дрова. Дело солдатами (горячо поддержанными своим полковником Евстихеем Хромовым) было выиграно⁴.

Не столь удачно завершилось для солдат судебное дело, разбравшееся в 1725 г. в Киеве. Артель 2-й роты Глуховского полка местного гарнизона занималась скупкой вина на окрестных винокурнях и продажей его киевским кабатчикам. Капитан Рижского драгунского полка Кондратий (Конрад) фон Минц, присланный в Киев по именному указу для борьбы с корчемством (самогоноварением), обратил внимание, что солдаты продают почти втрое больше вина, чем покупают. Выяснилось, что артель вступила в сговор с неким «жидом Моисейкой», финансировала «постройку» данным персонажем «за олским рубежом» девяти винных кубов и закупку зерна для них, а затем, прикрываясь легальной перепродажей вина, в течение почти полутора лет ввозила в Россию контрабандную водку, для каковых целей содержала на Днепре «две барки с боцками» и «в курене слоботсково казака Петра Горюни немалое захоронное потполье». Доход за все время соста-

вил гигантскую сумму — около 8000 руб. Расправа была жестокой: артельный староста каптенармус Иван Кудейкин был бит кнутом и с вырванными ноздрями сослан вечно на галеры, четыре младших артельных старосты по наказанию кнутом разжалованы в рядовые и сосланы в Персию, все солдаты, входившие в артель, наказаны шпицрутенами (от 500 до 2000 ударов), командовавший полком подполковник Ероним Толь разжалован в капитаны и оштрафован, а казак Петр Горюня вместе с «изловленным за полским рубежом жидом Моисейкой» повешены⁵.

В 1725—1733 гг. упоминания о солдатской торговле встречаются хоть и редко, но по всей территории России. Так, в 1726 г. артель Новотроицкого драгунского полка торговала в Калуге скобяными товарами с возов⁶, в 1727 г. солдаты Вятского пехотного полка продавали в Пскове хлеб⁷, в 1728 г. в Тамбове солдатская вдова Ильичева являлась агентом артели местного гарнизонного полка и содержала на солдатские деньги кабак⁸, в 1729 г. артель Енисейского полка Сибирского гарнизона судилась с тобольскими купцами из-за того, что купцы «в базарный день той артели с квашеною рыбой три воза в торговом месте разбили»⁹, в 1731 г. в Воронеже артель Смоленского драгунского полка содержала «лавочное местечко со сбитнями и пирогами», в котором «сидели» солдатская жена Анка Кривая и трое сыновей артельного старосты солдата Прохора Лукинина — Петр, Андрей и Иона (14, 12 и 11 лет)¹⁰, в 1732 г. в Персии в Гиляне солдаты Дербентского низового полка скупали у местных жителей пшеничную муку и перепродавали в свой собственный полк, а также изюм, который затем продавался астраханским купцам¹¹, в 1733 г. в Полтаве на базаре местные гарнизонные солдаты держали «арбузную гору»¹².

С началом военного десятилетия в 1733 г. количество упоминаний о солдатской торговле сокращается. О торговле артелей полевых полков нам известно только, что в 1734 г. в Польше, в осадном корпусе под Гданьском артель 5-й роты Владимирского пехотного полка содержала «торговый котел», из которого всякий желающий солдат мог в любое время угоститься кашей¹³, а зимой 1738/39 г. на квартирах Ростовского пехотного полка артель этого полка занималась «продажею среди дивизии сукон и ниток»¹⁴.

Артели гарнизонных полков в 1733—1743 гг. продолжали заниматься торговлей повсеместно. Так, в 1734 г. в смотровом списке Устюжского полка Архангельского гарнизона капрал, гобоист и 5 солдат показаны в отлучке «по артельному торговому делу в Архангельский город и Двинскую крепость для продажи рыбы»¹⁵, в 1733 г. в Перми артель местного гарнизона судилась (и выиграла дело) с воеводой,

который запретил солдатам «на базаре стоять с возами в торговых местах»¹⁶. В 1735 г. в окрестностях Кашина разбойники убили сержанта Углицкого полка Ярославского гарнизона Матвея Шорина и 3 солдат, следовавших с «артельным торговым обозом»¹⁷. В 1736 г. в Выборге выходящий в отставку гарнизонный солдат Хренов объявил, что будет «в том городе держать лавку для торгу своего полку артельным товаром»¹⁸. В 1737 г. в Риге был оштрафован, разжалован в солдаты на 1 год и отправлен в действующую армию поручик Федор Войковский, повинный в том, что «ис 5-й роты Перновского полка Рижского гарнизона ис артели салдацкой ис от базарной торговли всяким товаром ис барышей сумму в 778 рублей и 18 копеек (в коей по третьегодному торгам весь барыш оной артели был) на собственные нужды побрал бес обязанасти и потратил»¹⁹. В 1739 г. без указания на конкретный полк снова упоминается торговля гарнизонных солдат хлебом во Пскове и «окрестных местах»²⁰. В 1742 г. солдаты Ладожского канального батальона продали в Петербурге 18 бочек соленых рыжиков и воз клюквы²¹.

В царствование императрицы Елизаветы Петровны состояние военной документации стало заметно ухудшаться. Видимо, этим объясняется крайне небольшое количество упоминаний о солдатской торговле в 1743—1761 гг., так как предположить, что солдатская торговля в это время сократилась из-за роста воинской дисциплины или занятости солдат делами службы, абсурдно. Возможно, сыграло свою роль падение юридической защищенности солдат и их имущества, без сомнения имевшее место в елизаветинское царствование. Так, если для более раннего периода среди судебных дел (и не только экономического характера) нередко встречаются дела, выигранные солдатами (в том числе дела против своих офицеров, помещиков и гражданских должностных лиц), то для 1745—1761 гг. подобные дела и в очень небольшом количестве известны только в Рижском генерал-губернаторстве до 1751 г. — года смерти генерал-губернатора фельдмаршала графа П. П. Ласси, славившегося своей беспристрастностью и рвением о соблюдении строгой дисциплины во всех областях военной жизни. Тем не менее солдатская торговля продолжала существовать. В 1746 г. в Можайске артель Тверского драгунского полка продавала на стройки, где работали солдаты того же полка, пиленный лес и сухие бревна²². В 1749 г. в Архангельске купцы выиграла тяжбу против солдат местного гарнизона, сбивавших цены на торговлю бочками для засола рыбы²³. В 1750 г. в Саратове на базаре произошла большая драка, возбудителем которой явились солдаты местного гарнизона, у которых украли ручку от продолжавшейся целый базарный день торговли «печеными

хлебами и калачами»²⁴. В 1754 г. в Москве наказали солдат Новгородского драгунского полка за нарушение правил торговли дровами с возов²⁵. Дровами же торговала в 1759 г. в Вологде артель местного гарнизона²⁶. В 1757 г. в Смоленске драгуны продавали лошадей²⁷. В 1759 г. в Оренбурге гарнизонные солдаты скупали у казаков и киргизкайсаков «сырые бараньи шкуры»²⁸. И, наконец, в Пскове в 1761 г. гарнизонные солдаты снова «содержали хлебный торг»²⁹.

Вот, собственно, и все сведения, которыми мы располагаем о солдатской торговле. В заключение необходимо отметить, что торговля занимала самое скромное место в экономической деятельности солдатских артелей. Сдельные сельскохозяйственные (сезонные) и городские (особенно строительные) работы, даже финансовые операции (главным образом — ростовщичество) — вот, что служило главным приложением артельных трудов. На фоне сохранившихся в источниках бесчисленных сообщений об упомянутых видах артельной деятельности эпизодические упоминания о солдатской торговле, нам известные, несмотря на их широкую географическую и хронологическую распространённость, представляются скорее исключением, чем правилом.

Примечания

¹ РГВИА. Ф. 9 (Гарнизонная экспедиция канцелярии Военной коллегии). Оп. 1. Д. 17 (Разные дела, касательные до Санкт-Петербургского гарнизона, из Генерал-полицейстерской канцелярии и иных мест поступившие). Л. 75.

² Там же. Л. 192.

³ Там же. Оп. 2. Д. 43 (Об отставках разные дела). Л. 162.

⁴ Там же. Ф. 8 (Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии). Оп. 1. Д. 769.

⁵ Там же. Д. 914.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 44. Ч. 3. Д. 173 (Разные дела из провинций). Л. 7об.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 45 (Псковский гарнизон). Л. 212.

⁸ РГВИА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 153. Л. 88.

⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 63.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 96. Д. 59.

¹¹ РГВИА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 78.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 4. Д. 97. Л. 43.

¹³ РГВИА. Ф. 459. Оп. 1. Д. 32. Л. 270.

¹⁴ Там же. Ф. 460. Оп. 1. Д. 112. Л. 55об.

¹⁵ Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 40. Л. 159об—160.

¹⁶ Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 287.

¹⁷ Там же. Д. 314.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 5. Д. 273.

¹⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 318.

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 4. Д. 45. Л. 539об.

²¹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 80. Л. 112—116.

²² РГВИА. Ф. 2658. Д. 14.

²³ Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 875.

²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 31.

²⁵ Там же. Д. 94.

²⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 4. Д. 72. Л. 55.

²⁷ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1888. Ч. 4. С. 216.

²⁸ РГВИА. Ф. 14. Оп. 1. Ч. 3. Д. 6. Л. 40.

²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 4. Д. 45. Л. 2003.

А. В. Тюстин

ТОРГОВЛЯ И КУПЕЧЕСТВО В ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ XVII—XVIII вв.

Настоящая тема в течение длительного периода не находила своего исследователя, вследствие чего не получила достаточно полной разработки в историографии региона. Это объясняется ограниченностью источников, главными из которых являются таможенные книги. Экономический аспект развития Пензенского края в XVII—XVIII вв. нашел свое отражение в монографиях И. А. Булыгина «Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века: (По материалам Пензенской губернии)» (М., 1966) и Н. В. Заварюхина «Очерки истории мордовского края периода феодализма» (Саранск, 1993). Отдельные вопросы данной проблемы затрагивались в работах автора¹.

Пензенский край в XVI—XVII вв. представлял собой юго-восточное пограничье Российского государства. Его колонизация была обусловлена устройством систем засечных черт, вдоль которых в XVII в. были построены первые пензенские города Атемар, Инзеры (Посоп), Шишкеев, Саранск, Инсар, Наровчат, Керенск, Верхний Ломов, Нижний Ломов, а в 1663 г. — Пенза. Их первопоселенцы — служилые люди — за государеву службу получали земельные поместья, которые осваивались и заселялись крестьянами. Это стимулировало

развитие в крае земледелия и скотоводства. Коренное мордовское население традиционно занималось бортничеством, охотой, рыболовством. Рыбные ловли располагались главным образом на реках Сура и Мокша, богатых белугой и осетрами. Важной сферой хозяйственной деятельности было лесное пчеловодство — бортничество, продукты которого (мед, воск) удовлетворяли собственные потребности, а излишки шли на продажу. Имевшая некогда большое значение охота к XVIII в. постепенно утрачивала свое положение из-за сокращения численности промыслового зверя.

В городах получили развитие ремесла и торговля. Башмачники, кожевники, скорняки, замочники, ювелиры, картузники продавали на местных торжищах свои изделия. В селах крестьяне занимались обработкой глины, кожи, шерсти, смолокурением, охотой, также сбывая свою продукцию на местных рынках. Развитию рыночных отношений способствовало превышение произведенного продукта над собственным потреблением, а также возникновение новых поселений в крае. В первой четверти XVIII в. в Пензенском крае появилось 183 поселения, во второй — 47, в третьей — 16, в четвертой — 14. Крупные поселения превращались в торговые центры. В 1675 г. возник базар в с. Богданово-Спасское (ныне — г. Беднодемьяновск); в 1692 г. стольник В. И. Соимонов построил в своем поместье в Ломовской слободе Шукшинского стана Пензенского уезда 30 лавок для торгов. У монастырей и в крупных поселениях складывались ярмарки: в Краснослободске, Нижнем Ломове, Саранске. Хорошо развитая торговая инфраструктура сформировалась в Саранске. С 1732 по 1758 г. кабацкий сбор здесь составил 6396 руб., сбор с продажи лошадей — 179, с торговых лавок — 53, с харчевен — 15, с продажи мыла — 10 руб. В Краснослободске торговлю вели главным образом местные дворцовые крестьяне, которые частично сдавали в аренду свои лавки. Арзамаский купец Леонтий Иванов арендовал лавку у Григория Котова, Даниил Козлов — у Ивана Павлова. Путешественник П. С. Паллас отмечал в 1768 г.: «<...> в Пензе торг есть наиглавнейшая связь жителей, и купеческие лавки здесь так наполнены товарами, что я от Москвы ни в каком городе не видал».

На рубеже XVII—XVIII вв. происходит трансформация ремесленного производства в кустарное, что обусловило увеличение поступающих на рынок товаров. В 1692 г. Саранская таможня зафиксировала крупные кожевенные производства в Саранском и Темниковском уездах. Увеличивалось производство в области смолокурения: в лесах по берегам р. Вад в сезон получали более 300 ведер смолы. Расширилось производство поташа: только в Архангельск ежегодно отправлялось